

Евгений КУРДАКОВ

И НЕПЕРЕВОДИМОЕ – ПОЙМЕТСЯ...

Баллада перевода

«Прожитое не сном ли оказалось...»

Абай, 1901 г.

* * *

Перевожу поэта... Полыхая,
Горит зима блистающим костром,
И даль, переметённая до края,
Сгорая, истекает за окном.

Снег падает. Ещё беззвучны строки,
Безжизненно чужое далеко,
В том горнем вековом своем потоке,
Как этот снег, слетающий легко.

Но там, среди немного опаданья,
В холодном истекании снегов
Уж зародилось слабое дыханье
И шелест нарастающих стихов.

Чтоб позже всё из той же снежной сечи,
Крепчая, накаляясь и звеня,
Силлабикой густой и крепкой речи
Возникнуть враз и хлынуть на меня, –

Чтоб в гуле породнённого звучанья,
Не противостоя, не снисходя,
Переводить дыханье на дыханье,
Как жить, дыханья не переводя.

* * *

Я растворён... Я где-то без возврата,
Без облика ещё и без лица,
И вся моя награда и расплата –
Всё тот же снег и ветер без конца.

Всё тот же ледяной полынный шорох,
Всё тот же круг родных и не родных...
Я опоздал, я начинаю в сорок,
С предела, рокового для иных.

Прошла любовь, надежды отгорели,
И жизни бестолковая байга
Оставила, как эти вот метели,
В душе лишь беспросветные снега.

Дымят кочевья, кони снег копытят,
И бродят псы за ветреным холмом.
И мир уже почти не любопытен,
Он противоречив в себе самом.

Мне пятьдесят... Переболела ярость,
И уповать на вечность нет нужды.
Прожита жизнь, и подступает старость,
И силы нет для дружбы и вражды.

Я трогаю струну, но то не лира,
И снежный ветер глушит песнь мою.
В пустынном, азиатском сердце мира
Воистину пустыне вопию.

И всё, что было прежде, гнев и радость,
Всё, что пронёс и что в себе несу, –
Не тем ли горьким снегом разгоралось,
Дымилось и мерцало на весу? –

Томилось нищетой и болью близких,
Захлёбывалось горечью утрат...
Кочует род вдоль низких гор Чингизских,
Как год назад, как пять, как жизнь назад...

И умер сын... Снег чёрный, как несчастье,
Метёт сквозь жизнь, – и изменяет брат...
И сердце холодеет в безучастье
Ко всем, кто был и не был виноват.

И выкрикнуть бы этой вьюжной дали
В глухой, всё принимающий провал:
Стихи мои, зачем вы прозвучали?
Стихи мои, зачем я вас создал?..

* * *

Перевожу поэта... Догорает
Зима ли, жизнь, – моя ли, не моя, –
И светлым снегом небо истекает,
И стынет раскалённая земля.

В немыслимо застойном, сизо-красном
Бескислородном воздухе крутом
Кристаллы льда, поблескивая, гаснут,
Как искры над прихлопнутым костром.

Там где-то – средь безмолвных опаданий
Дыханья мира с мёрзлой высоты
Ссыплются со льдом иных дыханий,
Суши, как лёд, как этот снег, чисты.

По снегу этих дней бреду, сутулясь,
Будя дыханья, смёрзшиеся в нём,
И треск шагов звучит в безлюдье улиц,
Как пластырь, отдираемый живьём.

Зима гудит, ворочается, бьётся,
Как перевод, растянутый в года.
А непереваемое поймётся
Не сразу, а когда-нибудь...

Когда
С далёких гор заснеженного края,
Горящих предвесенней белизной,
Сорвётся ветер, и, внизу стихая,
Свободно разольётся над землей.

И под его теплеющим разливом,
В движенье, ощущаемом едва,
Как будто в трудном сне неторопливом,
Мне прозвучат чуть слышные слова:

Я вас любил... а вы меня убили...
Холодным всплеском пепельного льда
Встревожу ваши небыли и были
Пред тем, как уж умолкнуть навсегда.

Пускай для вас судьбы моей блужданья
Не исказят ни сердца, ни лица, –
Судьба поэта тоже назиданье
Умеющим читать её с конца.

Пусть в сутолоке ваших вечных буден
Шептанье это из последних сил
Безрадостным упреком вам не будет, –
Не убивайте тех, кто вас любил.

Я ветер, я почти уже преданье,
Но если и оно минует вас,
Останетесь навек без оправданья,
И вот тогда без красок и прикрас...

Перевожу поэта...

Из Абая

Осень

Ползёт ненастье. Зябко и уныло
Сырая зависает мгла с утра.
Играют кони в поле, ржут кобылы,
И уж двухлеток взнуздывать пора.

В работе и заботах день недолог:
Выделяют шкуры, кожи мнут,
Плетут ремни, латают дряхлый полог,
Просушивают скарб и шерсть прядут.

Ни радостного возгласа, ни крика,
Ни яркого пятна среди жухлых трав.
По-нищенски печально и безлико
Деревья мёрзнут, листья растеряв.

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до весны.

Вздыхают старики, и зябнут дети...
И, коротая долгие часы,
Я по холмам брожу, где веет ветер,
Где бегают неокормленные псы.

Откуда виден весь наш быт убогий
В осенней мгле темнеющего дня,
Потёртый войлок юрт, тоска дороги,
И степи – без единого огня.

В душе давно померкли все светила,
Где силы взять, печаль свою избыть?
Ведь если ты другого полюбила,
То мне другой вовек не полюбить.

Безвыходна любви слепая сила...
Мне лишь одним осталось в мире жить:
Случайным словом, что ты обронила,
Чтоб на него молиться и любить.

Холодный ум – нерастопимый лёд,
Его лишь сердце страстное поймёт.
Но только терпеливой воли власть
Соединит и ум, и сердца страсть.

Три эти дара собственной души
Ты порознь транжирить не спеши, –
Однажды став ущербен хоть в одном,
Ты пропадёшь на поприще земном.

Ни счастья, ни покоя, ни мечты...
О сердце, лишь о том горюешь ты,
Что нам на свете вряд ли суждено
Собрать несовместимое в одно.

Затихла ночь, взошла луна,
В дрожащих промелькнув волнах.
Здесь за аулом так шумна
Река в высоких берегах.

Здесь тихим шелестом листвы
Деревья шепчутся со мглой,
И буйной зеленью травы
Прикрыта пыль тщеты земной.

Здесь эхо вторит лаю псов
Вдали у ночи на краю.
Здесь ты когда-то был готов
Всю ночь ждать милую свою.

И не она ли, не она ль,
То холодея, то дрожа,
Скрывая нежность и печаль,
Себе уж не принадлежит, –

Не в силах слова произнести,
Дыханье сдерживая чуть,
Прильнув к тебе, стояла здесь,
Лицом в твою уткнувшись грудь?..

* * *

Детство ли, юность вспыхнут впотьмах,
Там, у начала дороги, –
Всё уж неярко в усталых глазах
Старости, что на пороге.
Что же ты понял и что ты постиг
В горестях белого света?
Не в пустоту ли срывался твой крик,
Вдаль – без ответа?
Или на привязи лет, словно зверь,
Только и бился в закрытую дверь?

Проспект Абая

За тысячи вёрст от холодной могилы своей,
Бездомный, как я, в этом городе беглых огней,

Поэт из металла тяжёлой стопою попрал
Гранит запоздалый, непрощенный свой пьедестал.

Он смотрит на запад, туда, в отгоревший закат,
Где зданья проспекта торжественно строятся в ряд, –

Где к ночи опять одиноких усталых людей
Последний троллейбус смахнёт не спеша с площадей,

И с гор потечёт над асфальтом измученным вниз
Напитанный влагой полночный спасительный бриз, –

И всё, что горело под солнцем и плавилось днём,
Засветится тихо холодным ответным огнём:

Ракушечник стен, золотые тела тополей,
Горячие розы по скверам и липы аллей,

И памятник этот, с которым я каждую ночь
Пытаюсь устало бездомную ночь превозмочь...

Спи, город, как я на скамье у высоких дубов,
Спи, как и пристало бессонному «городу снов»,

Привыкшему грезить чужими стихами взаимы
Под вздохи короткой столичной своей полутьмы, –

Под шелест арыков, под медленный стук желудей,
Под тени летучих мышей над пустыней своей,

Под медленный бриз, под свои двуязыкие сны,
Под детскую радость всегдашней своей новизны,

Под горечь поэта, поправшего чуждый гранит
Вдали от всего, чем он стал навсегда знаменит, –

За тысячи *мрет* от холодной могилы своей,
Бездомный, как я, в этом городе сонных огней.

